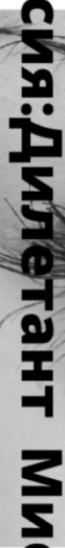

Дилетант Миссия: Дилетант Миссия: Дилетант

Миссия:Дилетант Миссия:Дилетант Миссия:Дилетант Миссия:Дилетант

Дина

5

Миссия Дилетант

Юлия Ефимова

Ложь без срока годности

«Автор»

2020

Ефимова Ю. С.

Ложь без срока годности / Ю. С. Ефимова — «Автор»,
2020 — (Миссия Дилетант)

ISBN 978-5-532-06929-9

Согласно новой методике, разработанной гениальным профессором, четыре незнакомых человека попадают в группу «Дилетант». По одиночке — это простые среднестатистические люди без особых талантов, но, соединив свои возможности и образовав команду, дилетанты превращались в настоящих детективов, способных раскрыть даже самые запутанные дела. Группе «Дилетант» необходимо раскрыть секрет, который тонкой нитью прошел сквозь ленту времени. Но сможет ли группа новичков решить эту задачу под звездочкой? Ведь обитатели странного дома абсолютно все лгут. Оформление обложки CANVA.

ISBN 978-5-532-06929-9

© Ефимова Ю. С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Разговор с портретом	6
Глава 2. Сломанный ноготь	10
Глава 3. Мокрые ботинки	13
Глава 4. Странное завещание	15
Глава 5. Костюм горничной	24
Глава 6. Самолет или жизнь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Ефимова

Ложь без срока годности

*По вечной земле, кряхтя и стеноя, шагая по миру
пешком,
Усталые ноги до крови стирая, ложь постукалась
в дом.
Она очень тихо просила погреться, вода ей нужна
и еда,
Сделав три шага, выбрала место и осталась в нем
навсегда.
Дом в паутину легко нарядила, семью погрузила в
сон.
Черной вуалью радость накрыла, поставила
счастьем заслон.
И посчитав, что она победила, с бриаровой
трубкой во рту
В кресле-качалке ложь задремала, отправив дом и
мечту.
Но ошибалась злодейка, что вечна, и получила
урок.
Знай, у любой обманщицы с трубкой есть свой
годности срок.*

*В этом детективе, как у Алисы в Зазеркалье, все не то, чем
кажется. А если вдруг покажется тем, то знайте, это точно не то,
что совсем наоборот. Словом, если вы найдете совпадения, они случайны.
Виновата же во всем безудержная фантазия автора, сам же автор к
этому безобразию абсолютно непричастен.*

Глава 1. Разговор с портретом

– Сволочь, Шурик, ну какая же ты сволочь, – шептала себе под нос Зинка, вытирая рукавом соленые слезы.

Она не обращала внимания на дождь, который противно моросил, основательно подтвердив наступление осени. Листья опали, неприлично оголив стволы деревьев, равнодушно бросая их на растерзание холодов. Это сейчас полностью дополняло Зинкино настроение. Ком, стоявший в горле последние две недели, теперь растворился и превратился в слезы. Горькие слезы лились из самой души, она не плакала так даже на похоронах деда.

Зинка с детства знала, что слезы – это слабость, а слабый человек очень уязвим. Этому научил ее дед, как же его сейчас не хватает, как же плохо без него. Он обязательно бы нашел нужные слова, усадил бы ее в кресло в своем кабинете, налил бы чай в граненый стакан с железным подстаканником, гравировка на котором гласила: «Савелию Сергеевичу на долгую память от соратников», и сказал бы: «Ну, давай разбирать твою проблему по косточкам». И сразу же после его разборов она переставала быть проблемой, а становилась просто обстоятельством, которое необходимо преодолеть.

– Ну зачем ты ушел? – крикнула Зина в пасмурное московское небо, – почему бросил меня?

Небо, словно не заметив этой ее истерики, благоразумно промолчало, а Зинка с новой силой стала увеличивать влажность в и так довольно сырой Москве. Сейчас она уже не понимала, по кому плачет – по предателю Шурику или по любимому деду. Дождь разошелся не на шутку и вместо моросящего душа полился сплошным потоком, поэтому в свой подъезд Зинка уже вбегала совершенно мокрая. Пробежала мимо лифта, она не любила это старое сооружение, похожее на голодного дракона, который со страшным скрипом старается проглотить побольше людей, и стала медленно подниматься по лестнице. Она жила в этом доме с самого детства, знала каждую ступеньку: они были широкие, красивые и до квартиры их было ровно сорок. Когда-то маленькой девочкой спускаясь по ним, она представляла себя принцессой, актрисой, а позже и президентом страны, маленькую Зинку дед всегда приучал мечтать глобально. «Понимаешь, Зинаида, – говорил он, – только тот человек, который хочет полететь к звездам, обязательно поднимется в небо. Наши желания и мечты где-то на уровне метафизического и пока не изучены человечеством, но, поверь мне, загадка успеха любого индивида лежит именно в них». И вот она, невзрачная девушка, и мечтала о красавце женихе. В ее двадцать два года подруги уже побывали замужем, а некоторые, самые шустрые, даже успели развестись, а она продолжала мечтать, стараясь не размениваться на мелочи. Правда, месяц назад ей показалось, что мечты начинают сбываться. Неужели показалось?

Тяжелая дверь впустила ее в пустую квартиру, сейчас она была холодная и неживая, будто умерла две недели назад вместе со своим хозяином, а ведь еще четырнадцать дней назад дед, шаркая домашними тапками, которые теперь торжественно стояли на тумбочке, как экспонат в музее, вышел бы ей навстречу и, мигом оценив обстановку, поставил бы ее мир на место. Но деда нет.

Скинув с себя мокрую одежду и закутавшись в махровый халат, она налила горячий чай в дедову кружку и по привычке уселась в огромное кресло в кабинете. Над рабочим столом висел портрет неизвестного Зинке автора, на нем дед, еще молодой мужчина с огоньком во взгляде, одними глазами улыбался внучке.

– Тебя нет, – стала разговаривать она с портретом, – но есть кресло, чай и проблема. Попробую сама. Итак, Шурик. Да, я его люблю, но не чувствую от него ответа. Мне кажется, что он просто такой человек – безэмоциональный, мы начали с ним встречаться буквально

за две недели до твоей смерти, и я просто не успела вас познакомить. Так вот, он по натуре холодный, не умеет выражать свои эмоции.

Горячий чай и воспоминание о Шурике заставили Зинку улыбнуться.

– Но зато он очень трепетный, – продолжила она убеждать портрет, – мы с ним много разговариваем, ему все интересно про меня. А ты знаешь, какой он стеснительный, боится ко мне даже прикоснуться. Еще Шурик постоянно занят, и у него много друзей, с которыми ему необходимо встретиться. Ты думаешь, я его оправдываю, – грустно констатировала она, глядя на портрет на стене, – и скажешь, кто любит, тот обязательно найдет на тебя время. Но ведь бывают разные обстоятельства, неотложные, правда? – попыталась Зинка спорить с молчаливым собеседником, но в душе она все понимала: после смерти деда они практически не встречались с Шуриком, их свидания ограничивались несколькими очень скомканными встречами днем в кафе или он приходил к ней вечером пьяный и рассказывал какие-то невероятные истории. Потом, обняв ее, засыпал в гостиной на диване.

– Да, сегодня я очень обиделась, – продолжала Зинка самостоятельный разбор проблем, – когда он пришел на встречу, то был очень недоволен и раздражителен, ведь это я настаивала на ней. Посидев в кафе всего десять минут, он убежал, чтобы встретиться с другом. Да, я увидела, как он садится к девушке в машину, но кто сказал, что друг не может быть девушкой? Да знаю я, – махнула она рукой на портрет, – ты всегда считал, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует, но это твое личное мнение и не истина в последней инстанции. Пойми, – уже совершенно другим тоном продолжила она, – я не могу без него. Когда он рядом, мое сердце бьется сильнее и я готова все ему простить и в любую чушь поверить. Скажешь, глупости! – опять закричала она и по холодному паркету подбежала к старому зеркалу, висевшему тут же в кабинете. – Смотри, какая я страшная, – предложила она, как будто дед был рядом и мог взглянуть вместе с ней в старое зазеркалье.

Сейчас отражение в зеркале подтверждало ее слова. Мокрые рыжие волосы редкими сосульками покрывали махровый халат. Глаза хоть и были всегда ее гордостью, неся в себе редкий зеленый цвет, сейчас потухли и стали болотными в обрамлении бесцветных рыжих ресниц. Ну а веснушки, вечное наказание, несмотря на осень, еще ярче проявились на ее лице. В общем, так себе зрелище – ни прибавить, ни убавить.

– А он, он знаешь какой, – мечтательно сказала Зинка, пристально всматриваясь в зеркало, будто отражение могло поменяться, – он самый классный парень, которого я знаю, высокий, красивый, я влюбилась в него с первого взгляда. Он сам подошел ко мне, понимаешь, сам, на ступеньках института при всех одноклассниках и пригласил в кино. Я была тогда самой счастливой на свете, я летела домой, тебя не было, ты, как всегда, был в командировке, и я танцевала по всем комнатам не в силах перестать улыбаться.

Даже сейчас, вспоминая тот счастливый момент, Зинка улыбнулась своему отражению, в голове всплывали картинки, как она пришла на следующий день в институт гордая настолько, будто выиграла в лотерею, как минимум сорвала джекпот, но именно так она тогда и считала.

Душа где-то на уровне солнечного сплетения шевельнулась от радостных воспоминаний. К слову, Зинка была уверена, что душа находится именно там. Ей очень нравилось выражение «солнечное сплетение» – словно тысяча солнц сплелись в одном месте и никак не могут распутать свои лучи. Своими запутанными лучами, словно щупальцами, они защищают человеческую душу от внешнего мира. Ведь у всех, абсолютно у всех людей на земле, несмотря на пол и возраст, она беззащитна. Зинка верила, что, когда на земле встречаются два человека, предназначенных друг другу судьбой, словно проснувшись, солнца распутывают свои лучи и выпускают их души навстречу друг другу. Она даже не помнила, где умудрилась прочитать такую красивую историю, возможно, это были сказки, что рассказывал ей в детстве перед сном дед.

Тогда ей показалось, что солнечное сплетение проснулось, что душа поет. Подруги, конечно, завидовали и предупреждали, что, скорее всего, с такой внешностью он бабник и

она для него очередная жертва, но она никому не верила, не хотела. Позже их общение стало вяло стабильным, но Зинка была рада любому вниманию со стороны Шурика. Кстати, он очень бесился, когда она его так называла. Друзья называли его Алекс, учителя Александром, мама Сашенькой – эту информацию Зинка специально узнала в первый день общения с ним. И собрав все имеющиеся производные его имени, поняла, что не занято только Шурик. Своего любимого надо называть как-то по-особенному, как не зовет его никто, искренне считала она, так будешь делать только ты, и, когда он услышит это имя, любимый будет всегда вспоминать тебя. Правда, он до сих пор сопротивлялся уменьшительно-ласкательному, которое она выбрала для общения, но Зина считала, что все это временно и Шурик обязательно привыкнет. Ведь свое имя Зинка тоже не любила, но смирилась.

В семье была такая легенда. Мама с папой, оба студенты геологоразведочного института, были очень самостоятельными молодыми людьми и жили в общежитии рядом с институтом. Когда в молодой семье родилась маленькая дочь, вместе с отцом рождение нового человека отмечала вся общага. Мама, попросив мужа сходить в ЗАГС и оформить маленькому ребенку свидетельство о рождении, совершила роковую ошибку. Отец с мутным взглядом и затуманенной головой просто напрочь забыл имя, которым жена просила записать дочь. Когда же представительная во всех отношениях дама угрожающе посмотрела на забывчивого папашу и уже хотела его с позором выгнать из серьезного учреждения, папа, молодой человек со смекалкой настоящего русского, прочитав красивый бейдж работницы ЗАГСа, записал дочь Зиной. Раздражение от своего имени и счастье представительной дамы из ЗАГСа не шли ни в какое сравнение, но исправить уже ничего было нельзя. Дед говорил, что имя – это путь, и дается оно не просто так, его надо обязательно пройти, чтобы выполнить свое предназначение, сменить имя – значит струсить и пойти совсем другой дорогой. Но смирилась Зинка только после того, как тот же дед прочитал ей стихотворение великой русской поэтессы Юлии Друниной, стих так и назывался – «Зинка». Бывшая фронтовичка, а теперь поэтесса рассказывала в нем о своей героической подруге, Зинкиной тезке. И теперь, когда становилось трудно, она всегда повторяла про себя строчки: «Знаешь, Зинка, я против грусти».

Махровый халат и горячий чай помогли, в зеркало уже смотрело совсем другое лицо, она успокоилась. Зинка была внешне очень похожа на отца, но по характеру вылитая мать, сама же она всегда мечтала быть похожей на деда. Родители ее были хорошими геологами, имеющими множество званий и наград, а также достойную международную репутацию в этой области. Это были фанатики своего дела, да и вообще по жизни большие романтики, без претензий на комфортную жизнь. Как только они закончили институт, сразу отдали трехлетнюю Зинку единственному родственнику. Дед был для нее всем, родители пропадали в разного рода экспедициях, а он всегда был рядом. Конечно, возрастному мужчине было не справиться одному с маленькой девочкой, поэтому он нанимал для внучки множество разного рода воспитателей, но как только Зинка стала вполне самостоятельной в бытовом плане и могла оставаться дома одна, они жили уже только вдвоем. Даже на похороны деда родители прилетели всего на три дня. Это были уставшие и совершенно чужие ей люди. Впопыхах они уладили все дела и, не задерживаясь, улетели обратно в Африку, туда, где сотовые телефоны не брали, а спутниковые были на вес золота. Чмокнув на пороге дочку в щеку, мать, первый раз проронив скупую слезу, попросила у нее прощения.

– Прости, дочь, прости, что улетаем. Раньше я знала, что он рядом, и была за тебя спокойна, но сейчас уезжаю с тяжелым сердцем. Но ведь ты выросла уже, – сказала она, с надеждой взглянув дочери в глаза, будто выпрашивая одобрение, – ведь правда?

Но равнодушная к ней Зинка не спешила помогать матери и молча стояла у двери, скрестив руки и задумчиво глядя в одну точку. Отец, в отличие от сентиментальной жены, в общем-то, как и Зинка, не испытывал никаких угрызений совести и в нетерпении переминался с ноги на ногу.

– Ну вот, дед, из-за того, что какой-то урод любит ездить на красный свет, я осталась одна, а Шурик, он хороший, он любит меня, надеюсь, там, в зазеркалье, ты на хорошем счету и поможешь мне, – она постучала по старому овальному зеркалу коротко остриженным ногтем, но не успела договорить, чем конкретно он должен ей помочь. В тишине старой квартиры, с высокими потолками, старой мебелью и множеством историй, витавших в воздухе в виде воспоминаний, прозвенел телефон, как гром гремит в солнечном мае, неожиданно и страшно.

– Зинаида Михайловна Звягинцева? – услышала она вопрос в трубке.

– Да, – ответила Зина, немного напугавшись такого официального тона.

– Вас беспокоят из нотариальной конторы «Дуров и партнеры», мы просим вас приехать в наш офис завтра для оглашения завещания Штольца Савелия Сергеевича.

– Какого завещания? – непонимающе спросила Зина, она знала наверняка, что эту квартиру дед уже давно переписал на нее, как он говорил, на всякий случай, а больше у деда ничего и не было.

Зарплата, что платили ему, полностью уходила на их проживание, иных же доходов не имелось. Иногда мама присылала какие-то деньги, но они так же беззаботно сразу тратились расточительным тандемом Зинка – дед. Сейчас было больно вспоминать, как он очень радовался этим неожиданным деньгам и, потирая руки, неизменно говорил: «Ну что, друг мой Зинка, пошли кутить». И эти дни становились круговоротом праздника. Они покупали красивые вещи, ходили в самые дорогие рестораны, а когда денег было чуть больше, то вовсе отправлялись куда-нибудь в путешествие, прихватив с собой только небольшие рюкзаки и отличное настроение. Им всегда было интересно вдвоем, они говорили и не могли наговориться. Но деньги заканчивались, и начиналась их обычная уютная жизнь – с экономией и жареной картошкой. Обычно это бывало, когда до зарплаты деда в институте оставалась неделя, а деньги благополучно заканчивались. Из таких сладких воспоминаний ее вновь выдернул голос в телефонной трубке.

– Это завещание закрытого типа, мы настоятельно просим не задавать нам сейчас никаких вопросов, просто потому, что мы не сможем на них ответить, – мужчина говорил о себе во множественном числе, и Зинку это сбивало с мысли. – Приехав завтра в наш офис, – продолжил говорить человек в трубке, – вы узнаете ответы на все интересующие вас вопросы. Вы согласны? – голос у мужчины был красивый, грудной и притягательный, его хотелось слушать, его хотелось слушаться.

– Да, – повинувшись обаянию голоса, ответила Зина.

– Ну вот и прекрасно, ждем вас в час дня, – и, продиктовав адрес, положил трубку, а Зинка еще полчаса стояла и растерянно вглядывалась в зеркало, не понимая, что происходит, но интуитивно чувствовала, что скоро жизнь разделится на две части, до странного звонка и после.

Глава 2. Сломанный ноготь

– Зараза! – закричала Матильда и, кинув на пол молоток и ботинок, чей задник она пыталась сделать не столь жестким, машинально прижала ушибленный палец к губам.

Ботинки, купленные недавно и за большие деньги, стирали пятки в кровь. Мотя не могла себе позволить раскидываться тремя тысячами рублей, поэтому решила воспользоваться старым дедовским способом, за что и получила молотком по пальцу. Боль была такая, что, казалось, на мгновение она увидела кружащиеся звездочки перед глазами, именно так, как их показывают в американских мультиках.

– Что там случилось, куда ты опять вляпалась? – услышала она из комнаты недовольный голос матери. – Ты почему еще не на работе? Или у тебя выходной? Тогда топай в магазин и жарь печенье, отец печенку просил, да не куриную бери, а свиную.

Травмированная Матильда понимала, что мать сейчас больше заботит обед и кто его будет варить, нежели то, как сильно она ударилась. Так было всегда, даже в детстве: когда другие мамы на площадке дули на ранки своих детей, маленькая Мотя стряхивала грязь с разбитой коленки и спокойно шла домой, зная, что плакать бесполезно, а то и вообще опасно. Последний раз, когда она плакала, мать грязным кухонным полотенцем прошлась ей по спине, а это было не столько больно, сколько обидно. В детстве Мотя была уверена, что мама не злая, она просто заколдованная черной ведьмой принцесса.

Когда-то давно Матильда, росшая в большой семье с маленьким достатком, увидела в магазине очень красивый пеньюар. Он был розовый с белыми кружевами, тогда она решила, что это платье. Именно смотря сквозь витрину на эту невероятную красоту, Мотя поняла, что у ее мамы нет и никогда не было таких красивых вещей. Все наряды Степаниды Егоровны были серыми, тусклыми и бесформенными, впрочем, как и ее фигура. Да и в квартире семьи Портнягиных было все очень серо и печально. Вещи если и покупались новые, то без вкуса, главное, чтоб удобно было да пятен не видно, если что.

В их семье всегда и все было очень просто, единственный момент, когда мать скреативила, было имя дочери – Матильда. Казалось, она сама не поняла, как это получилось. В роддоме, где рожала Степанида Егоровна, жила кошка Матильда. Животное было до безумия милым и красивым настолько, что сентиментальная после родов женщина влюбилась в кошку без оглядки. Даже пыталась выкрасть бедное животное во время выписки, но потерпев неудачу, назвала маленькую дочь в честь милого представителя семейства кошачьих.

Мотя плакала три дня, когда узнала, что названа в честь обычной кошки. Поэтому маленькая девочка, глядя на витрину с красивой одеждой, решила: надо обязательно купить маме этот красивый наряд, и тогда она расколдуется, станет такой же доброй и любящей, как их соседка, тетя Лена. Эта красивая женщина даже по дому ходила в шикарных платьях и тапках на маленьком каблучке с красивыми помпонами. Скорее всего, размышляла Мотя, именно от этого соседка, пахнувшая духами, была всегда в хорошем настроении. Конечно, позже, когда Мотя выросла, то поняла, что никакие платья маму не расколдуют и дело вовсе не в одежде. Однако ее детское озарение теперь преследовало саму Матильду – выбирая себе наряды, она покупала самые яркие, самые броские вещи, обязательно в стразах и бантах. Делала она это неосознанно и, скорее всего, потому, что где-то в глубине души маленькая девочка по имени Мотя боялась быть заколдованной и стать похожей на свою мать.

Средний палец на левой руке покраснел, а красивый длинный красный ноготь треснул пополам. Из этой трещины, словно в замедленной перемотке, на затертый пол маленького коридора капала алая кровь.

– Ты чево здесь удумала, – мать все-таки вышла коридор, – давай в ванную и там бинтуй, нечего мне тут полы портить. Сейчас кровь вьестся в линолеум, и все. Что я делать-то буду, у меня нет денег на новый. Ты, что ли, со своей зарплаты его менять будешь?

Матильда уже давно закрылась в ванной, пустив холодную воду на изуродованный палец, и горько плакала, а мать все не прекращала свои ругательства в ее сторону. Дешевая тушь быстро потекла, и на Мотю из зеркала смотрел печальный клоун с алым ртом и черными следами на щеках. Жалость к себе поднялась из живота и комом встала в области горла, перекрывая дыхание. Боль от сломанного ногтя, злость на себя за купленные на размер меньше ботинки – все это привело к тому, что железная, по мнению подруг, Матильда расплакалась навзрыд. Все ее знакомые из салона красоты, где она работала педикюршей, очень ей завидовали, ведь Моте повезло, она родилась в Москве. Веселая по жизни, она не пыталась их разубеждать, пусть так и думают, приятно, когда тебе завидуют. А про то, что она третья дочь в семье и что ютятся они всю жизнь в маленькой хрущевке, про то, что мама – продавец на рынке, а отец – там же грузчик, им знать необязательно. Да и про отцовские стенания тоже: каждый вечер, придя с работы и запивая усталость пивом, он ругает мать на чем свет стоит, что нарожала она ему дочерей не только дебильных, но и страшных, таких, что до сих пор замуж выйти не могут, а им уж всем под сорок лет. Матильде было только двадцать восемь, и в ее сердце еще жила надежда на личное счастье.

По жизни бедной Моте попадались только дегенераты, пьяницы и моральные уроды. Она влюблялась в них до бесчувствия, набивала кучу шишек, иногда даже в прямом смысле этого слова, и расставалась, еще долго зализывая раны. Как кошка, она тихо сворачивалась в клубок на своей старенькой кровати и ждала, когда станет не так больно. Но мечта оставалась, и в голове время от времени возникала картинка: она под руку с красивым мужчиной – тут надо внести точную формулировку: не просто красивым, а воспитанным, эдаким джентльменом в костюме и бабочке. Мотя приходила в трепет от умных мужиков, правда, они ее не жаловали и почему-то обходили стороной. Так вот, входят они в ювелирный магазин, все продавщицы, конечно, завидуют ей безумно, он покупает красивое золотое кольцо и дарит ей со словами: «Будь моей!» В общем, такая сказка про принца на белом коне, переделанная на особый вкус хозяйки.

Купаясь в своей любимой фантазии, она не сразу обратила внимание надвигающийся карман, это была привычка – всегда ставить дома телефон на вибрацию, чтоб не нервировать родителей.

– Слушаю, – шмыгая носом под звук льющейся воды, ответила она.

– Здравствуйте, – Мотя услышала из трубки красивый мужской голос, – это Портнягина Матильда Федоровна? – Простой вопрос поставил ее в тупик, она не привыкла, чтобы к ней обращались столь официально.

– Да, – достаточно неуверенно ответила Мотя.

Собеседник в трубке тоже немного замешкался от невнятного ответа и решил уточнить:

– Так да – да или да – не совсем?

– Это как? – вконец запуталась Мотя. – Как может быть не совсем да, когда это точно я.

Собеседник понял, что разговор зашел в тупик и решил пропустить идентификацию личности:

– Вас беспокоят из нотариальной конторы «Дуров и партнеры». Мы приглашаем вас на оглашение завещания Штольца Савелия Сергеевича.

– А это кто? – спросила она, чем явно поставила в тупик звонившего.

– Я не могу вам ничего рассказать по телефону, – придя в себя, ответил собеседник, – но если мы вас приглашаем, то так хотел завещатель, прошу вас подъехать к часу на оглашение.

В трубке стояла тишина, Матильда осмысливала информацию, а собеседник, видимо, боялся спугнуть этот процесс. В эту минуту мать начала громко стучать в дверь ванной с криками и ругательствами за все-таки испорченный линолеум, и Мотя решилась:

– Хорошо, я приеду, – шепотом сказала она, прикрывая телефон рукой, – диктуйте адрес.

Глава 3. Мокрые ботинки

Нотариальная контора находилась в самом центре старой Москвы в Петровском переулке, это говорило о ее состоятельности, а главное, серьезности, ведь Алексей Владимирович Кропоткин до конца не был уверен, что это не чей-то злой розыгрыш. В другое время он ни в коем случае не поверил бы в этот фарс, а, посмеявшись в трубку телефона, забыл бы уже через пять минут о разговоре. Но сейчас он был готов использовать любую возможность, чтобы исправить ситуацию, в которой на данный момент находился.

Потомок дворянского рода, сын академика и внук замминистра образования, тот, чья мать блистала на сцене Большого, а бабушка – на сцене Малого театра, проигрался в пух и прах. Его жизнь разделилась до тридцати восьми лет и после. До этого была большая семья, любящая своего единственного внука и сына больше жизни, хорошая работа переводчиком в министерстве сельского хозяйства, где он, не напрягаясь, получал отличную зарплату. Там Алексей встречал иностранные делегации, а в свободное время общался с умными и интересными людьми. Жизнь его излучала благополучие в общепринятом смысле этого слова. Он пользовался безусловным интересом женщин и платил им тем же, не желая принадлежать только одной. После же было презрение родителей, старческие, выцветшие глаза деда, наполненные слезами и брезгливостью, и его тихое «пошел вон». Увольнение догнало его через две недели со словами: «Мы не можем компрометировать министерство». Алексей не хотел в это верить, но понимал, что здесь не обошлось без деда. Новая же работа никак не находилась, а друзья, если таковые вообще были, отвернулись.

Леша Кропоткин с детства был неженка, ничего и никогда он не делал сам. Школа с языковым уклоном – это бабуля, институт самый лучший, причем не только в России, а в мире – отец, непыльная и респектабельная работа – это потряхнул своими связями дед. Однако апофеозом жизненного краха Алексея Кропоткина стала потеря квартиры, ее подарил ему отец. Словно поставив окончательный приговор неудачнику Леше, из-за неоплаченных кредитов этот дорогой подарок родителя забрал банк. И вот сейчас москвич в восьмом поколении с шикарным генеалогическим древом, где было место и дворянам, и советским деятелям, и гениальным актерам, уже полгода ютился в съемной комнате на окраине Москвы. Потихоньку он проедал вещи, оставшиеся от шикарной жизни, благо их было много. Раньше бы он даже не подумал, что куртка от известного кутюрье может прокормить его целый месяц, сейчас же он торговался на популярном сайте по продаже б/у вещей за каждый рубль, подспудно понимая, что именно его может не хватить завтра на хлеб.

Ветер рванул и распахнул полы стильного серого пальто, оставшегося от прежней жизни, этот забияка сразу принес холод, тот пробрался глубоко под одежду и начал колотить нового хозяина. Алексей принципиально определил в своем гардеробе несколько вещей, с которыми не расстанется никогда, даже несмотря на голод, в это число входило и пальто, сшитое у итальянского дизайнера на заказ. Также в этом списке была шляпа невероятного серого цвета, ведь именно к ней, так любовно купленной в Париже на улице Риволи, и было заказано это шикарное пальто. Но гордостью, смешанной с обожанием, для Алексея Кропоткина была трость. Ее рукоятка была сделана из слоновой кости в виде обнаженной женской фигуры, она, как пазл, ложилась в ладонь хозяина и сразу же становилась продолжением руки. Алексей закутался в пальто, но озноб уже пробежал по коже, ботинки из итальянской тончайшей кожи, не предназначенные, чтобы в них ходили по слякотным лужам осенней Москвы, пропустили влагу, и ноги замерзли.

Услышав вчера в трубке о смерти старика Штольца, он не удивился, хотя старикан и был живчиком, но возраст уже читался в каждой его морщине. Однако известие, что мало-знакомый партнер в карты что-то оставил ему в наследство, поразило Алексея наповал. Они

были шапочно знакомы (будучи людьми одного круга, им приходилось иногда пересекаться на разного рода мероприятиях), но дружбы не водили. Максимум при игре в преферанс могли перекинуться несколькими фразами. Неужели кто-то рассказал ему о бедственном положении Алексея, и Савелий Сергеевич решил поиграть в меценатство, помогая обедневшему слою русской интеллигенции? Алексей Кропоткин, хотя родился еще в Советском Союзе, даже мысленно всегда себя отождествлял с высшим аристократическим слоем России. Как говорила ему с самого детства мама: «Не забывай, Алексей, в нас течет дворянская кровь, причем и по материнской, и по отцовской линии, не испортить ее». Вот хороший мальчик Алеша и боялся ее испортить. До сих пор он так и не нашел вторую половину, достойную чистоты их крови, и до тридцати восьми лет ходил в холостяках.

Дверь в старое здание была новой и безумно дорогой, он понял это с первого взгляда – была у Алексея такая способность, определять примерную стоимость любых вещей на глаз. Поэтому, оценив вход в нотариальную контору, он еще раз внутренне порадовался: люди с такими деньгами не занимаются глупыми розыгрышами проигравшихся аристократов.

– Добрый день, – секретарь, встречающая посетителей в холле, была еще одним доказательством состоятельности конторы. Это была девушка с внешностью модели, причем все у нее явно было натуральным, что в наш силиконовый век ценится в два раза дороже.

– Алексей Владимирович Кропоткин, – представился он, – меня ожидают.

Та посмотрела в свои записи огромными голубыми глазами и, немного смущаясь, произнесла:

– Совершенно верно, можно ваш паспорт – я выпишу пропуск.

Алексей привык к такой реакции на свою персону, конечно, раньше она была стопроцентная и обычно более бурная, но ничего, есть еще порох в пороховницах. Он вальяжно протянул паспорт и одним уголком губ улыбнулся девушке-модели – недостойна она полной улыбки, ведь она всего лишь обслуживающий персонал. Для аристократа Алексея почтение к женщинам было обязательным, он не позволял себе другого отношения к представительницам слабого пола. Для себя же он делил их на три категории: без улыбки, половина и целая улыбка; правда, целая улыбка была подарена дамам, которых можно было пересчитать на пальцах одной руки. Алексей Владимирович Кропоткин был жаден на этот счет, он считал, что у него сильно развито собственное достоинство, посторонние же люди говорили, что это самомнение, которое плескалось у него через край. Наверное, поэтому он остался совсем один, когда к нему пришла беда. Взяв в руки пропуск, Алексей Кропоткин, аристократ и обладатель голубой крови, со страхом пошел в направлении, которое ему указала девушка-модель. «Ну что ж, Савелий Сергеевич, – подумал Алексей, – посмотрим, спасение ты мое или погибель».

Глава 4. Странное завещание

Зинка пришла вовремя, этому ее тоже научил дед. «Никогда не опаздывай, точность – вежливость королей», – говорил он. «Ну как же, – сопротивлялась Зинка, – ведь говорят, девушка должна немного опаздывать». – «Не говори глупости, – злился дед, – если это не психологический ход и он не задуман заранее, то это всего лишь опоздание, а это говорит лишь о невоспитанности и неуважении к людям, которые тебя ждут».

В нотариальной конторе как-то чересчур радостно ее встретил молодой человек лет тридцати. Он оказался обладателем того самого волшебного голоса, видимо, это он вчера звонил, договариваясь о встрече. Проводив Зинку в кабинет, сладкоголосый попросил подождать немного и ушел. Там за красивым дубовым столом уже сидела яркая девушка и разглядывала забинтованный средний палец. Она была очень вульгарно накрашена и не менее вульгарно одета. Слово привет из девяностых – алая помада, черными тенями подведенные глаза, много туши на ресницах, которая, видимо, из-за плохого качества уже частично осыпалась, делая свою хозяйку похожей на панду. Голубая блузка с рисунком из блесток на груди, видимо гордость хозяйки, была заправлена в короткую кожаную юбку. Особой любовью девушки являлись серьги в виде розового перышка, она постоянно поправляла их, словно проверяя, не потерялась ли такая красота.

Не обратив никакого внимания на Зинку, яркая девушка, озираясь, смотрела по сторонам и постоянно все трогала – ручки на столе, подлокотники кресел и даже маленькие конфеты в вазе, периодически выкладывая их на стол. Перетрогав все и заскучав, она взяла ручку и нарисовала на забинтованном пальце ноготь, но, видимо не удовлетворившись результатом, подумала и раскрасила его в фиолетовый цвет. Зинка наблюдала за ее манипуляциями и пыталась сквозь тонны косметики на лице понять, сколько ей лет. Но, видимо, девица не привыкла долго молчать, потому что после десяти минут тишины и гордого презрения по отношению к Зинке она все-таки решилась и, наклонившись над столом, шепотом, словно боясь, что ее услышат, спросила:

– А ты тоже на это самое, на завещание?

Получилось немного злое, и Зинка испуганно махнула головой.

– И тоже не знаешь, кто это? – озираясь спросила размалеванная и, не дожидаясь Зинкиного ответа, продолжила: – Жест, ну ты даешь, вроде одета прилично, значит, бабки есть, или приезжая, тогда понятно. Вот я бы никогда не повелась на это, но так хочется от предков съехать, сил нет. Хотя мне грех жаловаться, мне повезло, я-то москвичка, – гордо закончила девица.

У Зинки в этот момент появилось еще больше вопросов, которые не находили ответов. Но, оценив интеллект и воспитанность девицы, она сделала заключение, что спрашивать бесполезно, и все-таки решила подождать того, с волшебным голосом. Собеседница хотела сказать что-то еще, но ей не дали. Дверь распахнулась, и на пороге появился еще один персонаж. Мужчина лет сорока с остатками былой красоты на лице и огромным самомнением в глазах, оставшимся с тех времен, когда он мог похвастаться молодостью.

– Добрый день, – слегка наклонив голову, поздоровался бывший казанова, держа в одной руке шляпу, а в другой трость.

Зинка молча кивнула в ответ, ее собеседница же замерла с открытым ртом, не в силах шевельнуться. Она заворуженно смотрела на вошедшего, как апостолы смотрели когда-то на Иисуса, идущего по воде, не иначе. Зинке стало жаль ее, вошедший франт уже бросил презрительно-уничижительный взгляд в ее сторону, поэтому, вспомнив про женскую солидарность, Зинка наклонилась и ударила девицу по руке в надежде, что та отомрет и все же закроет рот. Но Зинка, просто производитель неловких ситуаций, нечаянно ударила «яркую» по забинто-

ванному и, видимо, очень большому пальцу, чем породила фонтан эмоций. Девушка вскочила и, тряся рукой, начала громко материться.

– Сволочь, за что, почему, боже, как больно, – и это только те слова, которые можно произнести, остальная же лексика была чисто русским отборным матом.

У мужчины с тростью и шляпой в руке, видимо, уши свернулись в трубочку, ну а как еще можно оправдать то, что он надел шляпу снова на голову и прижался к двери. Только желанием спрятать свернувшиеся уши, ведь Зинка могла поспорить, что этот франт знает с детства, что в помещении необходимо снимать головной убор. Сама же виновница кинулась извиняться к ругающейся девушке, но не тут-то было. Видимо, от сильной боли девица скакала по комнате, переворачивая стулья и круша книжные полки. Зинке ничего не оставалось, как следовать за ней и поднимать все, что та перевернула. И именно в этот момент в кабинет зашел сладкоголосый в компании двух мужчин.

– Очень рад, что вы познакомились, – растерянно сказал он, наблюдая в кабинете полный разгром. – Зинаида, зачем вы бегаєте за Матильдой? – воскликнул нотариус, и голос его перешел на визг, перестав быть сладким. – Оставьте ее в покое.

Остановившись, Зинка поняла, что именно так все сейчас и выглядит, и уже открыла рот для оправданий, но передумала и решила просто обидеться.

Минут десять ушло на то, чтобы все успокоились, и еще полчаса – на элементарную уборку кабинета, чтобы не было ощущения, будто они сидят в комнате сбора макулатуры.

– Добрый день, дамы и господа, – начал нотариус, – меня зовут Марк Абрамович Дуров, я душеприказчик Савелия Сергеевича Штольца. Сегодня, тридцатого сентября сего года, нами оглашается завещание закрытого типа. Присутствуют наследники, нотариус-исполнитель и два свидетеля.

Зинка, которая уже перестала обижаться, ведь как говорил кот Матроскин, совместный труд, он спланирует, в душе понадеялась, что «яркая» и «франт» – это всего лишь свидетели, но нотариус в этот момент показал рукой на двух молчаливых мужчин в одинаковых костюмах.

– Итак, свидетели фиксируют, что конверт закрыт и опечатан, – очень торжественно, будто приветствовал Парад Победы, продолжал нотариус.

Пока он производил разного рода манипуляции, составляя протокол оглашения закрытого завещания, показывал второй конверт, который был внутри первого, и сверял печати и подписи на нем, попутно заставляя свидетелей подписывать все конверты и акты, Зинка рассматривала остальных претендентов на наследство деда и терялась в догадках, кто бы это мог быть. «Девица, которая сейчас сидела, обняв свою руку, чисто гипотетически, – размышляла она, – может быть дочерью деда, рожденной где-нибудь на стороне, ну, или на худой конец последней любовью, дед был молодцом, а вот дядя с тростью и остатками молодости, он кто?» Скорее всего, фантазия Зинки завела бы ее очень далеко, ведь она была у нее бурная и необузданная, но, слава богу, до этого не дошло. Марк Абрамович, разорвав второй конверт, вынул оттуда сшитые и опечатанные бумаги и флешку, такую маленькую, на которой была маркером нарисована цифра 1. Торжественно, как олимпийский огонь, он вставил в разъем телевизора этот кладезь информации. Все смотрели за манипуляциями нотариуса с восхищением, как дети, которые смотрят за волшебными движениями рук факира и ждут чуда.

– Прошу вас внимательно посмотреть это видео. Когда оно закончится, я зайду и вы дадите мне ответ, – сказал Марк Абрамович и вместе с двумя мужчинами-свидетелями вышел из кабинета.

Зинка в нерешительности нажала на кнопку пульта, будто боясь, что оттуда все-таки выскочит кролик, ведь факир так и не закончил свой мудреный фокус. Из пульта никто не выскочил, но сюрприз получился, на экране возник дед.

– Ну что, запись идет? – спросил он рассеянно кого-то за камерой.

– А я его знаю, он приходил ко мне на педикюр, – радостно воскликнула «яркая», в момент забыв про больной палец.

– Ну хорошо, – продолжил дед. – Ну что, любимая моя Зинка, привет. Ну-ка, прекрати плакать, – погрозил он пальцем из телевизора, будто увидев, как огромные прозрачные слезы потекли по ее щекам. – «Знаешь, Зинка, я против грусти», – как пароль дед произнес строчку из стихотворения Юлии Друниной, отчего она еще сильнее зашмыгала носом. – Приветствую я и вас, очаровательная Матильда, – сейчас дед, видимо, обратился к яркой девушке, немного кивнув головой.

– Здравсте, – растерянно произнесла та, словно не поняв, что это запись.

– Приветствую я и тебя, мой друг Алексей, знаю о твоих проблемах и сейчас постараюсь тебе помочь, а примешь ли ты мою помощь, решать тебе.

При этих словах мужик с тростью, которого, по-видимому, звали Алексей, смутился, покраснел как мальчишка и опустил глаза в пол.

– Если я вас правильно просчитал, – продолжил дед, улыбаясь, и эта улыбка разбивала сердце Зинки еще больше, – вас наверняка еще трое, но он опаздывает обычно ненадолго, думаю, сейчас он как раз заходит в дверь.

Все обернулись на дверь кабинета, но ничего не происходило, она по-прежнему стояла, сонно закрывая пространство.

– Привет, Эндрю, – произнес дед.

В этот момент дверь скрипнула, и лохматый мальчишка в огромных очках заглянул в кабинет.

– Мне сказали, я должен сюда, или я ошибся? – он переминался с ноги на ногу и был очень смущен.

– Проходи, Эндрю, я рад тебя видеть, присаживайся, – от таких совпадений у всех пробежали мурашки, было полное ощущение, что это идет не запись, а скайп. – Ну, теперь, когда все в сборе, прошу пять минут вашего внимания. Итак, если вы смотрите это видео, значит, включился в игру его величество случай и меня уже нет в живых или я лежу в глубокой коме, хотя если бы я мог выбирать, то все-таки выбрал бы первое. Не случись форс-мажора, я лично бы уже поговорил и с вами, Матильда, и с вами, Алексей, и с вами, Эндрю. Ты же, Зина, не узнала бы ни о чем вовсе. Но мы предполагаем, а Господь располагает, мне семьдесят пять, и я последнее время подстраховываюсь, не люблю подводить людей.

Дед, такой родной и такой рассудительный, как всегда, с ноткой иронии и обаяния, дискутировал о жизни. Зинке даже на секунду показалось, что случилась какая-то ошибка и он жив, просто находится где-то там, в другой, параллельной Вселенной, в зазеркалье.

– Так вот, у меня к вам предложение. Скажу сейчас только одно: вам необходимо будет выполнить несложное задание. Первое, оно никак не нарушает закон, второе, оно совершенно не опасно, и третье, оно будет проходить в городе Владивостоке, самолет завтра. Прошу учесть, что для выполнения задания не придется ничем жертвовать. Но есть два важных условия: это то, что согласие должны дать все четверо, сделка не состоится, если хоть один из вас откажется. Второе условие: если вы говорите «да» и подписываете документы, то со следующей секунды вы обязаны беспрекословно выполнять мои указания, которые я вам оставил. Иначе просто все это не имеет смысла. Я разрабатывал это мероприятие четыре месяца и рассчитал все, сбой хоть одного условия приведет к полному сбою программы, и мы с вами не достигнем желаемого результата, а значит, и гонорара, который я сейчас вам озвучу. Итак, время раздумий пошло, – дед посмотрел на часы, будто засекая время, – а чтобы вам лучше думалось, я озвучу ваш гонорар. Маленькое уточнение, – дед поднял палец вверх, – его вы получите только после того, как задание будет выполнено, то есть желаемый результат достигнут. Перелет и одежда – да, вам, согласно вашим ролям, придется сменить гардероб – это спонсируется отдельно. Итак,

каждому из вас по итогу будет выплачено по пять миллионов рублей, – дед сделал мхатовскую паузу, а Зинка смогла оценить реакцию людей на сумму.

Девушка по имени Матильда выпучила глаза и стала оглядываться, будто ища подтверждения этой сказочной, по ее мнению, сумме, очень жадно хватая воздух ртом. Эндрю, поправив очки, просто, по-детски, улыбнулся, Алексей Владимирович же громко выдохнул, немного громче, чем это позволяли приличия.

– И еще маленькое дополнение, – дед хитро улыбнулся одними глазами, как умел только он, – если у вас, ребята, все получится, а я в вас верю, иначе бы вы здесь не сидели, в подарок вы получите сюрприз из моего личного фонда, все это сделает нотариус, я дал ему на этот счет все инструкции. Мне кажется, сюрприз вам понравится даже больше, чем миллионы. Итак, – дед снова взглянул на часы, – у вас есть полчаса, вы можете подумать, – и, снова глядя куда-то за камеру, устало сказал: – Выключай, пусть поговорят.

Экран погас, став похожим на знаменитую картину Малевича, только в этом случае это был не квадрат, а прямоугольник. Лишь этим сходством можно было объяснить такое пристальное внимание к нему присутствующих.

На самом деле четверо людей у себя в головах сейчас вели жаркий спор.

«Дед, что ты затеял? На тебя это так не похоже, но ведь я всегда тебе верила, почему не должна теперь?» – думала Зинка, рассматривая темный экран.

«Наверняка это какая-то авантюра, – размышлял Эндрю, – но моя жизнь в последнее время стала такой скучной, серой полосой, в ней ничего не происходит. Хотя нет, каждое утро я начинаю с мысли о ней, о ее предательстве. Может, психануть и согласиться, я его помню, он не был сумасшедшим».

«Н-да, надо отказываться, – решил Алексей, – мне сейчас только этой авантюры не хватает. Хотя что я теряю, хуже, наверное, быть уже не может. А вдруг это шанс, вдруг я смогу все исправить, сам исправить. Может быть, решиться, хоть раз в жизни решиться на что-то. Не ждать, пока кто-то придет и все исправит, а сделать это самому. Что я теряю, жалкое существование и презрение окружающих?»

«Дядька показался мне тогда адекватным чуваком, – думала Матильда, – а сейчас несет какую-то ересь, хотя деньги большие. А прикольно было бы купить себе квартиру и съехать от родителей, возможно, и личная жизнь тогда бы наладилась. Мне двадцать восемь, девчонки вчера в салоне сказали, что, скорее всего, у меня пара лет для того, чтобы заскочить в последний вагон поезда под названием «брак». В противном случае меня ждет судьба моих старших сестер. Они уже давно перестали ждать от жизни чуда и сели на старые продавленные кресла для регулярного просмотра сериалов. Нет, я так не хочу, все равно буду биться до последнего, как та лягушка, которая из молока сбила масло и выбралась из банки. Но чтобы разорвать порочный круг безбрачия сестер Портнягиных, надо сделать что-то неадекватное, не так, как они, а что-то экстраординарное. Может быть, решиться на эту авантюру? Ну а что, взять и решиться, если во Владивостоке пойму, что ввязалась во что-то криминальное, сбегу и пойду в полицию».

Все чересчур увлеклись рассматриванием черного экрана, и пауза затянулась. Первой разорвала тишину и прервала любование телевизором Зинка.

– Это мой дед, – виновато сказала она, будто боясь, что сейчас ее побьют, и тут же, как бы оправдывая его поведение, добавила: – Но он умер две недели назад. – Зинке показалось, что ей не поверили, поэтому она, прижав руку к груди, добавила: – Честно-честно.

Теперь все внимание переключилось с телевизора на нее, три человека не верили в происходящее, и Зинка сейчас была для них единственным подтверждением реальности событий.

– А твой дед не подпишет нас на криминал? – первой решилась на вопрос Мотя, – он у тебя не это самое, как его, не дон Карпоне?

– Вот знаете, – испуганно ответила Зинка, – раньше за ним такого не замечалось, но с тех пор, как он умер, я за него не ручаюсь.

– Ну, то, что Савелий Сергеевич не дон Корлеоне, я вам ручаюсь, я был знаком с ним, а, поверьте мне, я умею разбираться в людях, – вставил фронт и снял шляпу. Зинка решила, что его уши наконец раскрутились обратно.

– Савелий Сергеевич был моим педагогом на третьем курсе, он читал нам лекции по психологии, – сказал опоздавший мальчик по имени Эндрю, видимо по привычке поправляя свои огромные очки и заглаживая лохматую челку набок. – Правда, это было давно, четыре года прошло, и я его больше не видел, а, судя по моим последним неприятностям, люди иногда очень сильно меняются.

– А я думала, ты еще в школе учишься, – усмехнулась Мотя, – на вид ты совсем малой.

– Обманчивое впечатление, – вздохнул Эндрю, – оно меня всегда подводит.

– Давайте знакомиться, – сказал фронт. – Я так понимаю, я здесь самый старший, правда, не знаю, сколько вам лет, мадам, – обратился он к Матильде, – но так как вы женщина, то даже если и старше, все равно руководить должен я.

– Да как ты!.. – еле сдерживая русскую ненормативную лексику, закричала Мотя. – Какая я тебе мадам, мне двадцать восемь, а чувствую я себя вообще на двадцать семь!

– О, простите, это все меняет, – опасаясь этой неандертальской женщины, сказал Алексей, – просто под вашим слоем грима очень трудно прочесть ваш возраст, тем более внутренних. Ребята, давайте знакомиться, – уже голосом кота Леопольда сказал он, – нам еще вместе мир спасать. Меня зовут Алексей Владимирович Кропоткин, дворянин, – немного нескромно закончил он.

Зинка тоже испугалась перепалки, поэтому продолжила знакомство, улыбаясь и пытаясь сгладить скандал.

– Зинаида Михайловна Звягинцева, – представилась она, – для вас просто Зина, учусь на пятом курсе филфака, да что там, диплом уже пишу, – и так как она не знала, что же еще такого интересного сказать о себе, то добавила: – Внучка того мужика, – и указала пальцем на погасший экран телевизора. – Но я ничего не знала, для меня все это тоже сюрприз. Дед был нормальным человеком, ну, конечно, каким может быть доктор наук, профессор психологии. Он преподавал в институтах и университетах, причем всегда в разных, дед не любил быть привязанным к одному месту. Он даже подстригаться ходил всегда в разные парикмахерские. Его любимое выражение: привычка – это враг новых впечатлений и вообще полноценной жизни.

– Да, это точно, – Матильда, видать, была по натуре отходчивая, потому что перестала дуть губы на Алексея и тоже поддержала разговор. – Он был у меня на педикюре первый раз два года назад. Но в середине лета пришел вновь, причем я работала уже в другом салоне, и он специально меня разыскивал. Мне тогда, конечно, это польстило, я решила, что это потому, что я хороший мастер, – печально усмехнулась она. Перестав ухмыляться и постоянно улыбаться, она стала похожа на грустного клоуна.

– Кстати, я Матильда Портнягина, по гороскопу Близнец, работаю педикюршей в салоне, – и чтобы, как обычно, придать себе значимости, с напором добавила: – Москвичка, – поняв, что впечатление стоит усилить, бросила последний козырь, – коренная.

Алексей при этих словах закрыл глаза рукой и укоризненно покачал головой. Матильда решила не реагировать на мужчину из своих самых ярких снов, ибо в реальности он оказался хамом, и, как бы стряхнув наваждение, продолжила:

– Ну а ты, Гарри Поттер, кто такой?

– Я Эндрю, Эндрю Шишкин, работаю в научном институте по изучению и продвижению айти-технологий.

– Да ты что? – Мотя немного переигрывала в восторгах, и это вызвало очередной удар по лбу Алексея Владимировича.

– Да что вы, – смутился Эндрю, – это только звучит красиво, на самом деле скучная и совсем не интересная работа.

– А почему у тебя такое странное имя? – Матильда словно забыла, зачем они здесь, и, как ребенок, интересовалась абсолютно всем.

– Не хотелось бы прерывать ваш клуб по интересам, но, боюсь, полчаса сейчас закончатся, – Алексея бесила эта дама, ее манера одеваться и краситься, ее грязная речь, он таких просто презирал, но ее привычка постоянно говорить, причем исключительно глупости, выводила его из себя окончательно. Бедному Алексею пришлось собрать всю силу воли, чтоб снова не нахамить ей.

– Действительно, пора принимать решение, – поддержала его Зинка. – Я скажу свое мнение, я – за, последнюю волю деда я хочу исполнить. Он тот человек, которому я доверяла всю свою жизнь больше, чем самой себе, и не вижу оснований не делать этого сейчас.

– Думаешь, не подставит нас твой дед? – задумчиво спросила Мотя и, как всегда не дожидаясь ответа, продолжила: – Ну хорошо, я в деле. – Она стукнула ладонью по столу, видимо забыв про больной палец. – Да чтоб тебя, – громко закричала и, сморщившись от боли, сказала: – Я согласна, мне деньги не помешают.

– Я тоже за, – улыбнувшись и сразу действительно став похожим на Гарри Поттера, сказал Эндрю. – Я так устал от простых решений, что мне очень хочется сложных задач. И я думаю, Савелий Сергеевич мне их устроит.

Остался только Алексей, три пары глаз повернулись к нему и впились, как клинки, понимая, что от его решения сейчас зависит, состоятся ли приключения и деньги, и будет ли выполнена последняя воля деда. Тот долго молчал, вздыхал, переводил взгляд с одного на другого и наконец решился:

– Я не знаю, о чем думал Савелий Сергеевич, собирая такую странную компанию, я вообще не верю, что мы способны хоть на что-то. Еще год назад я бы плюнул всем вам в лицо и, хохоча, ушел в закат, да что я говорю, я просто бы здесь не появился, но сейчас я в такой жизненной ситуации, когда у меня нет выбора. Поэтому я в деле, – и, схватившись за голову, закончил: – Господи, только бы Савелий Сергеевич не сошел с ума перед смертью.

– Его сбила машина, – тихо сказала Зинка, как бы успокаивая его.

– Что? – поднял на нее глаза Алексей, не понимая, о чем она.

– Ну, я о том, что он с мозгами до последнего дружил, – неловко защищала деда Зинка.

Сложное решение было принято, нотариус, выслушав всех, дал подписать каждому договор найма работника на разовые работы и включил запись вновь. На экране дед с кружкой дымящегося кофе вновь поприветствовал их:

– Ну что, друзья мои, я был уверен в вашем выборе, – и с гордостью добавил: – Все-таки я неплохой психолог, и моя система работает. Ах да, вы же не в курсе. Ну, тогда слушайте.

Эта история начиналась в далеком девяносто третьем году, страна разваливалась, а вместе с ней и вся система образования, милиция, медицина. Мы с моим другом детства Геннадием Петровым сидим и пьем на кухне. Зинки моей еще и в проекте не было, а дочка с мужем живут в общежитии. Я, одинокий вдовец с кучей регалий и научных степеней, перебиваюсь с хлеба на воду, и мне больно смотреть, как моя страна летит в тартарары. Генка тоже человек с историей, он служит в милиции начальником оперативного отдела и со страхом смотрит на то, как растет криминал. Под бутылочку белой и наши вздохи о погибающей стране я рассказываю Генке свою новейшую методику, которую разрабатывал последние десять лет и которую прикрыли из-за отсутствия финансирования. Не потому, что это ему было интересно, просто жалуюсь на судьбу, как принято у нас в России делать это на кухне под рюмку водки. Разработка моя называлась «Дилетанты», я рассчитывал такую теорию, что, если найти четырех подходящих друг другу по психотипу людей, каждого своей направленности, и поставить им задачу в сфере, к которой они не имеют никакого отношения, они решат ее на все сто процен-

тов. В теории самое главное – это полная совместимость и дополняемость дилетантов. Естественно, если просто взять четырех разных людей с улицы, ничего не выйдет, их необходимо тщательно подбирать. Вот именно такую систему подбора дилетантов я и разрабатывал десять лет с группой ученых. Мне уже показалось, что у нас стало получаться, как научный институт закрыли вместе со всеми наработками. Генка тогда посмеялся надо мной, но я попытался ему объяснить, что самое главное – это правильно подобрать людей в группу, как индивиды они ничего особенного не представляют, а вот в совокупности из дилетантов превращаются в профессионалов. Я искренне считал, что моя система в будущем может стоить миллионы, а открытие достойно Нобелевской премии. На том умные разговоры закончились и начались мужские разговоры о женщинах. Но через неделю история получила продолжение. Вечером и уже без бутылки заглянул ко мне Генка и сразу начал с места в карьер:

– А будет ли твоя теория работать на задаче расследования преступлений?

Я не знал, как ему ответить, ведь такая задача просто не ставилась, но поработать согласился. Не буду, дорогие мои, сейчас вдаваться в подробности наших экспериментов, просто прошу поверить, что их было много. У Генки оказалось развито чутье, и мы вдвоем довели программу до совершенства. Друга моего убили в девяносто пятом бандиты, и тогда я остался с программой один на один. Разработанная нами система могла подбирать людей, которые распутывали любые самые сложные преступления. Первым моим клиентом стал Генкин друг, на тот момент большой бизнесмен, он был в курсе наших разработок и попросил меня об одолжении. В его фирме кто-то воровал, причем очень профессионально – ни свидетелей, ни отпечатков, ни даже тени на камерах. Просто в магазинах пропадала выручка. Мои подопечные вычислили преступника за три дня, да там было несложно, но молва пошла. Нет ничего лучше, чем сарафанное радио. Ко мне обращались по рекомендациям и только за большие деньги. Кстати, Зин, те деньги, на которые мы с тобой кутили все время, – это выручка от моих успешных операций, твоя непутевая мама никогда не присылала денег, кукушка она, – вздохнул дед, – хоть и дочь мне. Прошу, не будь никогда на нее похожа – это против человеческой природы, когда у тебя нет любви и нежности к своему ребенку. Это значит, с человеком что-то не так, чего-то не хватает в его сборке, производственный брак. И мне грустно оттого, что этот брак мой.

Дед как-то сник, задумался, без его улыбок и ухмылок стало видно, как он сильно постарел, как много ему лет.

– Ну да ладно, я отвлекся, это, ребята, была теория, переходим к практике. Ваша группа летит в портовый город Владивосток. Мм, завидую вам, крабов наедитесь от пуза, ну я, по крайней мере, на вашем месте так бы и поступил. Они там огромные, сочные и всегда свежие, таких вы в Москве не найдете. Дело у вас такое: в этом славном городе проживает бизнесмен по фамилии Дрозд. В наши славные девяностые он приобрел на черном рынке картину Рафаэля «Портрет молодого человека». Она по сей день считается утерянной: в 1939 году, после начала Второй мировой войны, портрет был спрятан в семейном поместье Чарторыйских в Сеняве, но вскоре был обнаружен гестапо. Его отобрали для организуемого в Линце Музея фюрера, а в 1945 году немецкий генерал-губернатор Польши Ганс Франк вывез его в неизвестном направлении. На сегодняшний момент это одна из самых дорогих пропавших картин в мире, ее оценивают в сто миллионов долларов.

– За картину? – выкрикнула Мотя. – Да вы гоните.

– Тише! – очень резко скомандовал Алексей, и она замолчала.

– Я думаю, сейчас должна была удивиться Матильда, – вдруг сказал дед с экрана, – скорее всего выкрикнуть что-то типа «вы гоните». Если это так, то поаплодируйте мне, я думаю, сидя на облаке, мне это зачтется.

Все молча поаплодировали, глядя на потолок, никто бы сейчас не удивился, если бы там проплывало облако с сидящим на нем Савелием Сергеевичем.

– Спасибо, – сказал дед с экрана, видимо даже не допустив и доли сомнения, что аплодисментов не будет.

– Так вот, о картине: в мае у хозяина дома был день рождения...

– Значит, Телец по гороскопу, – опять вставила Матильда.

– Приехали гости и во время торжества картина пропала, просто исчезла со стены, – буднично продолжал дед, словно читал очередную лекцию в институте. – Когда гости уезжали, их обыскали и ничего не нашли. По контуру здания камеры и охрана. Хозяин, как вы сами понимаете, в полицию пойти не мог, поэтому обратился ко мне. Он считает, что картина до сих пор в доме. Через три дня день рождения у его жены и соберутся те же гости, что были четыре месяца назад. Преступник, скорее всего думая, что скандал улегся, попытается достать картину и вывезти. Ваша задача – найти преступника и вернуть картину хозяину.

Слушатели испуганно переглянулись, а Мотя сказала:

– Жена – Веса, так себе знак, неизвестно, что перетянет, плохое или хорошее.

Ее глубокая мысль осталась без комментариев, потому как Савелий Сергеевич продолжал:

– Естественно, я описал вам ситуацию очень кратко, дома Зина найдет все документы и даст вам прочитать, а лучше, чтобы вы сделали это все вместе и вслух. Сейчас же задача такая: вы звоните домой и на работу и решаете все проблемы, чтобы вас не потеряли. Берете у нотариуса билеты, деньги на одежду и распределение ролей и едете по магазинам, потом к Зинке домой. Во-первых, вместе удобнее завтра добираться в аэропорт, во-вторых, прочитаете задание подробнее, ну а в-третьих, подружитесь, вы теперь команда. Зинка моя дорогая, документы и следующие флешки в сейфе, шифр – твой день рождения.

– Да знаю я, – тихо ответила Зинка. Она еще не разбирала сейф деда, постоянно оставляя на потом, слишком болезненно это было для нее.

– Удачи, мои дорогие, флешку под номером три включите только во Владивостоке.

Экран погас, и сразу всем стало очень страшно, до этого все воспринималось как приключение, и лишь сейчас пришло понимание, что все всерьез. Есть картина, которая стоит миллионы, есть преступник и его надо вычислить, но вот смогут ли четыре дилетанта это сделать? В данный момент в это не верил никто. Казалось, что на последней секунде перед выключением камеры даже у деда в глазах промелькнул ужас недоверия к людям, сидящим перед экраном.

– Только бы это не был его внезапно наступивший маразм, – опять вздохнул Алексей. – Ну что, мушкетеры, пойдемте спасать мир.

– А кто из нас д'Артаньян? – весело спросила Мотя, будто это была самая важная информация на данный момент.

– Вы, госпожа Портнягина, – устало сказал он, – исключительно только вы, и мне очень страшно от этого.

Турин, 1798 г.

Князь Адам Чарторыйский, совсем еще молодой образованный аристократ, вынужден был безвыездно скучать в Турине, столице Сардинского королевства. Виной тому была его дружба с великим русским князем Александром Павловичем. Он как-то совершенно случайно стал поверенным в душевных тайнах молодого Александра. Скорее всего, прекрасное образование, что так стремилась дать сыновьям его мать Изабелла, компенсировав свое нежелание заниматься детьми, прельстило великого князя. Но именно эта симпатия вызвала подозрение его отца Павла, который и отправил с глаз долой Адама, назначив послом в Сардинском государстве.

Выпросив небольшой отпуск, он решил прокатиться на родину, в Польшу. Бродя по улочкам Турина, Адам безуспешно пытался найти подарок для своей матери, которая испытывала особую любовь к искусству. Ничего достойного его матушки не попадалось. Она, первая светская львица Польши, меценатка и патриотка, основательница нескольких музеев, не могла обходиться малым, ей нужно было все самое лучшее. В одну из таких прогулок, не принеся, как всегда, никакого результата, когда Адам уже решил ехать домой без подарка, он попал в переделку.

– Спасите... – услышал слабый женский крик Адам и, не медля ни секунды, рванул в подворотню.

Двое негодяев схватили молодую девушку, пытаясь сотворить неслыханную гадость. Служба при русском дворе многому научила молодого Адама, в том числе и искусству боя. Он раскидал негодяев в стороны, попутно сломав кому-то нос, а кому-то челюсть, схватил молодую растерянную девушку и рванул бежать что есть сил, не дожидаясь, пока разбойники придут в себя и решат отомстить.

Девушку звали Анна-Мария, и она была дочерью богатого вельможи.

– Спасибо, – произнесло невинное создание, – вы обязательно должны зайти, папенька отблагодарит вас.

За спасение Анны-Марии Адам был осыпан дарами, в том числе картиной, принадлежавшей кисти великого Рафаэля. Это был прекрасный подарок матушке, Адам уже представлял, как небольшая картина, написанная на дереве маслом, займет достойное место в коллекции князей Чарторыйских.

– Только помните, молодой человек, – сказал отец спасенной девушки, – эту картину нельзя продавать, ее можно только дарить, – и, как показалось Адаму, облегченно вздохнул, вручая ему портрет.

Одно немного смущало Адама: молодой человек очень грустно смотрел со старого портрета, будто жалел его или что-то знал про Адама и не мог сказать. Отогнав глупые мысли, молодой князь пошел собираться в дорогу, но не выдержал и вернулся, чтобы накинуть на портрет кусок ткани, как на клетку с безостановочно болтающим попугаем, чтобы заставить его замолчать.

Глава 5. Костюм горничной

У Зинки голова шла кругом, сегодняшний день, такой долгий и странный, все никак не хотел заканчиваться. Сейчас она сидела в гостиной собственной квартиры, вокруг нее стояла куча пакетов с одеждой и ходили незнакомые ей еще несколько часов назад люди. Все смахивало на какой-то розыгрыш, который неприлично затянулся.

– Боже мой, – Алексей влетел в гостиную, выпучив глаза. Вообще, Зина поняла, что он очень рано взял на себя руководство группой на правах старшего. Как выяснилось в магазине, руководить придется ей. – Зинаида, все пропало, наши деньги под угрозой! – истерично кричал бывший руководитель.

– Что еще?

Она очень устала, и сейчас ей безмерно хотелось одного – лечь и уснуть. Но нельзя, самолет завтра с утра и еще много дел. Около трех часов было потрачено на магазины, еще два – на парикмахерскую, все бы ничего, но Матильда и Алексей постоянно ругались и препирались. Мотя периодически обижалась на него, но в силу своего характера через пять минут уже всех прощала. Алексей же был упрям в их общении и задирает ее по любому поводу. Зинка была регулировщиком в их обоюдных уколах, наносимых друг другу, и с ужасом представляла, как они будут играть супружескую пару. Но выхода не было, доктор, к которому они тоже зашли, ужаснулся, увидев состояние разбитого ногтя Моти, и вынес неутешительный вердикт – ноготь надо удалять. Сделав все неприятные и болезненные для Матильды процедуры, он обязал ходить на перевязки каждый день. Естественно, и здесь Зинка все уладила, объяснив доктору, что они улетают, и пообещала делать перевязки, учитывая все тонкости данного мероприятия. Для этого ей пришлось выслушать подробную лекцию и купить в аптеке по списку все необходимые приспособления. Как это будет происходить на самом деле, она с трудом представляла, так как с детства не переносила вида крови.

Когда всего на минуту почудилось, что все трудности позади, выяснилось, что они где-то потеряли Эндрю. В итоге они нашли свою пропажу в салоне красоты на банкетке. Молодой человек, тихий и бесконфликтный, постоянно копался в своем гаджете, сразу теряясь в пространстве. Роль ему досталась легкая, он будет изображать программиста, который устанавливает сигнализацию на собрание картин, коих в доме заказчика было много, – это было замечательно, потому что и играть-то по большому счету не придется, он будет самим собой. Алексей тоже вроде как в своей тарелке, он будет играть роль друга хозяина дома, такого же богатея, – дело знакомое и простое. Зинке же дед поручил роль его молодой жены, задача для нее вполне выполнимая. Сложности их поджидали с Мотей. По замыслу деда, она должна быть горничной, но какая горничная с разбитым в хлам пальцем и кучей бинтов и повязок на нем? Эта версия сразу выпадала, тогда Зинка решила взять ответственность на себя и приняла решение – горничной будет она, а Мотя станет играть жену Алексея. По указанному мессенджеру они сообщили заказчику об изменении ролей, ведь он должен подготовить для горничной рекомендательные письма. Все бы ничего, но, видимо, Зинка напрочь забыла, что дед запретил что-то менять в его сценарии.

– Мы провалимся, – паниковал Алексей, мельтеша по гостиной из угла в угол. Он протягивал свои руки с красивыми интеллигентными пальцами к небу, будто ища защиты и хотя бы поддержки у Бога, хотя, возможно, он обращался к виновнику всех этих событий, к деду.

– Не истери, что опять?

Она не понимала, как это все в одну минуту на нее свалилось. Смерть деда, открытие о его тайной жизни и командование целой операцией. Она не была замотивирована, как остальные, деньгами. Зинка хотела лишь одного – не опозорить деда, а для этого надо повзрослеть, стать сильнее и самостоятельней, а значит, убрать все детские эмоции.

– Давай по факту, – устало сказала она, – что опять? Мы ей купили одежду, все, что ты сказал, покрасили и постригли так, что мне до сих пор завидно, наводить макияж и болтать она обещала меньше. Что еще не так?

– Ты видела, как она ест? – с ужасом прошептал Алексей. – Нет? Так иди и посмотри.

Зинка встала и прошла в кухню, по пути домой они купили еды, все были жутко голодны. И вот теперь Мотя и Эндрю вдвоем поглощали там деликатесы. Матильда и правда выглядела совсем по-другому, красивый блонд с пшеничным оттенком плюс стрижка каре с рублеными, как сказал стилист, линиями, прямая и густая челка сделали из нее стильную штучку. Яркость, конечно, она свою потеряла, но сразу обрела привлекательность и стиль. Также стилист отказывался что-либо делать с ней, пока она не смоет свой макияж, так что теперь Мотя сидела на кухне в натуральном виде и он, честно говоря, радовал больше, чем грим на ее лице.

– Ты видишь, – услышала она за спиной шепот Алексея, – даже Гарри Поттер по сравнению с ней – леди Диана.

– Значит, так, – у Зинки кончалось терпение и сила руководителя, – теперь это твоя забота, – сказала она ошеломленному Алексею, – не умеет есть, значит, учи ее, деньги все хотят, она в том числе, значит, будет стараться.

Зинка разошлась, и у нее само собой получалось расставлять все точки над «i», почти как у деда.

– Матильда, ты хочешь деньги? – почти кричала Зина. Та испугалась такого напора и просто махнула головой. – Тогда прекрати есть руками, чавкать и слушай старшего товарища, – при этих словах она показала на Алексея.

– Ну ты же понимаешь, что невозможно за один день научить ее быть леди, – попытался спорить тот.

– Если очень захотеть, можно обезьяну научить курить, – рявкнула Зина, устав быть деликатной. – Давай учи, вилки, ножи и тарелки с бокалами – все для учебы найдете в буфете, дед же сказал, что мы особенные, значит, сможем и ты, и она, и я.

– А я? – вставил Эндрю, из-за скандала даже оторвавшись от экрана своего смартфона, ему, видимо, стало обидно, что про него снова забыли.

– И ты, – поправила Зинка, – если мы, конечно, тебя по пути нигде не потеряем. Всех жду через полчаса в кабинете, будем разбирать бумаги, – сказала она тоном, не терпящим возражений, и вышла из кухни.

– Что, нажаловался? – прошептала Мотя Алексею. – Ябеда, даже не могу представить, кто ты по гороскопу.

– Я Лев, – гордо ответил Алексей.

– Опозорил гордое животное, – сокрушалась Мотя, – между прочим, это мой любимый знак, и я от него такого не ожидала. Давай учи уже, я способная, мне так воспитательница в детском саду говорила.

– Ну это, конечно, обнадеживает, – грустно вздохнул Алексей.

Матильда положила еду на стол и, не найдя ничего рядом похожего на полотенце, вытерла руки о свою блестящую кофточку.

– Ну, во-первых, нельзя вытирать руки о себя, – устало сказал Алексей, – и ковыряться в зубах за столом тоже.

Эндрю, который как раз занимался этим, испугался и уточнил:

– И даже мне?

– А ты кто по гороскопу? – встряла Мотя в разговор.

– Стрелец, – непонимающе ответил Эндрю.

– Никому, Эндрю, – сказал Алексей, – ни Стрельцу, ни Близнецу, ни Льву, никому и никогда.

* * *

Шел пятый час чтения документов. Матильда посапывала, свернувшись калачиком на кресле. С новой прической и обновленным имиджем, она сейчас, когда спала, выглядела сущим ангелом. Ее тиран и учитель, который полчаса кричал на нее в кухне, пока они изучали столовые приборы, оккупировав старый кожаный диван, делал вид, что слушает лежа, на самом деле видел уже десятый сон, только Эндрю, периодически поправляя очки, монотонно читал вслух.

– Хватит, Эндрю, бесполезно, – вздохнула Зинка. – Они уже час как спят.

Зинка была на три года младше Эндрю, но оба внутренне чувствовали обратное. Может быть, это из-за скромного и тихого характера Гарри Поттера, как уже успели прозвать его вынужденные друзья, а может, из-за Зинкиного особенного воспитания. Именно сейчас, в экстренной ситуации, она начала ощущать неординарное воспитание деда. Зина всегда старалась рассуждать и делать выводы, быть собранной в любых обстоятельствах и не всегда понимала, что это – скрупулезное и последовательное воспитание, над которым день ото дня трудился дед.

Только один раз она позволила себе повести себя глупо и по-детски – это в отношениях с Шуриком. Зинка первый раз за день вспомнила про возлюбленного и в ужасе достала телефон из сумочки. Десять пропущенных. Еще в нотариальной конторе она поставила телефон на беззвучный режим и забыла. А он звонил, волновался, возможно, даже извиниться хотел за вчерашнее происшествие, объясниться. Улыбка сама собой растянулась по лицу и была настолько глупой и счастливой, что Зинка, смутившись удивленного взгляда Эндрю, который искренне не понимал, чему сейчас можно так радоваться, решила перевести разговор.

– Я целый день хотела спросить, – начала она, изо всех сил пытаясь спрятать счастливое выражение лица, – почему у тебя такое имя странное?

Парень усмехнулся, видимо, этот вопрос был для него уже заезженной пластинкой и набил бедному оскомину. Нехотя, но он все же ответил:

– У меня родители ученые-математики, знаешь, из тех, которые, решая сложную задачу, могут забыть поесть. – Вынужденные соратники еще в магазине договорились перейти на ты для простоты общения. Поэтому со стороны сейчас могло показаться, что беседуют старые друзья. Настольная лампа, ночь за окном, двое спящих людей и душевные разговоры шепотом. – Я, если честно, немного удивлен, как они еще умудрились меня родить, но, возможно, мне на руку сыграла их молодость, которая плескалась и не давала до конца утонуть в науке, – видно было, что для молодого человека тема старая и больная. – Ну вот и сделай выводы сама, в честь кого могли назвать сына два фанатика-математика – естественно, в честь великого, по их мнению, человека, того, кто все-таки доказал теорему Ферма.

К слову сказать, Зинка была абсолютный гуманитарий, вот если бы Эндрю сейчас спросил ее, в каком году Анна Ахматова написала «Реквием» или почему Пушкин дал своему главному герою фамилию Онегин, она ответила бы без запинки и еще бы могла немного подискутировать с ним на эту тему, приводя неизвестные широкой публике факты биографии авторов и истории их творений, но математика для нее была темный лес.

Эндрю все прочитал на ее растерянном лице и сказал:

– Не переживай, это не обязательно знать всем, – и, рассмеявшись, добавил: – Только моим родителям так не говори, они предадут тебя анафеме.

– Ну не то чтобы я не знала, – гордо ответила Зинка, – просто забыла.

Эндрю нравилась эта девчонка, у него никогда не было сестер и братьев, даже двоюродных, но он всегда мечтал об этом. Почему-то эта рыжая, очень испуганная всем происходящим девушка вызвала в нем какую-то братскую любовь. Скорее всего, потому, что предательство,

которое недавно нанесло ему удар в спину, надолго отбило охоту смотреть на противоположный пол с другой, мужской, любовью.

– Есть такой ученый, Эндрю Джон Уайлс, – продолжил он, – на самом деле в математическом сообществе он был ничем не примечательным профессором Принстонского университета. Но в сорок один год отличился, и девятнадцатого сентября тысяча девятьсот девяносто четвертого года доказал «большую теорему Ферма», сформулированную Пьером де Ферма более трехсотпятидесяти лет назад. Для всего математического мира это приравнялось к победе над фашизмом, к изобретению антибиотиков и другим значимым событиям, которые изменили мир к лучшему. Поэтому, когда родился я, у простой семьи математиков Шишкиных не было иных вариантов имени, если бы их не остановила бабуля, за что ей отдельное спасибо, иначе мое имя было бы Эндрю Джон Уайлс Шишкин.

– У нас с тобой много общего, – сказала Зинка, – я тоже оказалась не нужна родителям, всю свою сознательную жизнь я оправдывала их тем, что они откупались от меня деньгами. Ну, что-то типа по-другому они не могут, а сегодня дед и это оправдание их поведения отверг, мать, оказывается, не присылала мне никаких денег.

– Нет, у нас разные истории, – грустно сказал Эндрю, – у тебя был дед, а моя бабуля умерла, как только мне исполнилось десять лет. И вот с того самого времени я, еще ребенок, жил с двумя взрослыми детьми.

Зинке захотелось сменить неприятный разговор, тема родителей и их любви для нее была как кисель во рту, на вкус нормально, но общие ощущения склизкости отвратительные.

– Я же еще не примеряла вещи, мне Матильда должна была купить костюм горничной, пока мы с Алексеем ходили покупать ему одежду. Сейчас надену и приду хвастаться, скажешь, какая из меня горничная, – крикнула Зинка и побежала в спальню, где стояли ее пакеты.

Эндрю остался в кабинете и продолжил изучать документы. Сейчас перед ним лежало досье на племянницу хозяина, дочку среднего брата, Ванюшкину Василису Константиновну, двадцати пяти лет от роду. Молодая красивая девушка, одноклассница Эндрю, улыбалась с фотографии искренне и очень тепло. Идеальные черты лица и уверенность, которую она излучала, говорили о многом, например о том, что это девушка-пантера, как в знаменитой песне старой рок-группы «Агата Кристи». «Она не знает слова “верность”, ибо это всего минуты предположения кого-то покруче», – пропел про себя Эндрю, вглядываясь в глаза красотки с фотографии, он вообще был фанатом старого русского рока и все группы типа «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи» и, конечно, легендарную Земфиру знал, слушал и любил.

– Молодой человек, – Алексей проснулся, потряс головой, словно стряхивая с себя остатки сна, – на каком члене семьи я задремал?

– Вы, Алексей, уснули на хозяине, – ухмыльнулся Эндрю.

– Ну, в свое оправдание скажу, – смутился аристократ, – что при стрессе у меня такое бывает. Который час?

– Одиннадцать вечера, детское время, – ответил Эндрю, продолжая читать досье.

– Я в душ.

– Зина выдала полотенца, они в коридоре на тумбочке, – крикнул Эндрю уже в спину уходящему Алексею. Буквы у него никак не складывались в слова, а красивая девушка с фотографии притягивала взгляд.

– Наверное, это мой рок, – усмехнулся он фотографии, – и погибну я от руки красавицы.

В этот момент в комнату вошла растерянная Зинка, на ней была надета униформа горничной, только какого-то странного кроя. Юбка была неприлично короткая, так что при слабом наклоне будет выглядывать филейная часть. Вырез на груди тоже был неприлично огромный, а на спине и вовсе уходил глубоко вниз.

– Это что? – все еще ошеломленно спросила Зинка, пытаясь разглядеть себя в старое зеркало, висевшее в кабинете.

– Ну, – стал тянуть Эндрю, пытаясь подобрать слова, – смело, конечно, но в целом мне как мужчине нравится.

– Еще бы, – усмехнулась Мотя, она тоже проснулась и довольно наблюдала за показом мод, – это костюм из секс-шопа, я знала, что беру, ты будешь самая красивая горничная.

– Ты сдурела! – закричала Зинка. – Я что тебе сказала купить, я где тебе сказала купить! Как я полечу без костюма?

– Почему без костюма? – удивилась правда не понимающая такой реакции Мотя. – Это самый лучший костюм. Ни один мужик мимо не пройдет.

Зинка уже набрала побольше воздуха в легкие и вспомнила все ругательные слова, какие знала, а Мотя даже зажмурилась от предчувствия беды, как прозвучал звонок в дверь, такой спасительный для обеих. Зинку он удержал от нравственного падения, а Мотю – от бури, которая была готова обрушиться на ее голову. В ярости Зинка пошла открывать дверь, совсем забыв, что на ней надето.

На пороге стоял Шурик, она сразу поняла по его ухмылке, что он пьян. После смерти деда он частенько приходил к ней подшофе, рассказывал какие-то замысловатые истории о кораблях и пиратах и засыпал в гостиной на диване. Естественно, Зинку все это радовало, во-первых, одной было очень грустно в пустом доме, а во-вторых, она любила его и все эти душевные разговоры воспринимала как проявление его любви к себе.

– Привет, красотка, – оглядев ее с ног до головы, сказал Шурик.

У Зинки сразу побежали мурашки, только он мог так называть ее, вызывая при этом приступ нежности.

– Я очень переживал, ты не брала трубку, а ты, оказывается, мне сюрприз готовила, – взгляд у него стал масляным и каким-то туманным.

Зинка тоже расплылась, голова перестала работать, она даже на мгновение забыла, что у нее в доме куча гостей, и постаралась встать, как ей показалось, более выразительно.

В это время Алексей, приняв душ, понял, что все-таки забыл взять в коридоре приготовленные заботливой хозяйкой полотенца. Он помнил, что, если открыть дверь ванной, до них будет буквально шаг, и решил рискнуть. Старые стены дома, которые строились на века, скрыли от него присутствие в коридоре людей, и Алексей, открыв дверь, выглянул в коридор, чтобы убедиться в безопасности операции. В этот момент пьяный Шурик как раз снимал ботинки. Увидев голого мужика, выглядывающего из ванной, он от неожиданности упал, но, быстро оценив ситуацию и сложив вместе костюм на Зинке и Алексея в неглиже, начал, не успев подняться, прямо с пола извергать ругательства.

– Ты что, обалдела, дрянь?! – закричал Шурик и, запустив ботинок прямо в голову Алексею, начал последними словами оскорблять растерявшуюся от произошедшего Зинку.

В Алексея несколько секунд боролись два чувства: стыд за свой вид и злость за ботинок, след которого отпечатался на лбу. Но решили все ругательные слова Шурика в адрес Зинки, которых она, по мнению Алексея, не заслуживала. Девушка вызывала у него уважение и даже страх, по крайней мере, характер у нее был сильнее Лешиного. Если быть откровенным до конца, Алексей еще полгода назад не знал такого разнообразия ненормативной лексики, рос он в интеллигентной семье, в образцово-показательном дворе и дружил с точно такими же ребятами. Но спасибо нынешнему соседу, который снимал соседнюю с ним комнату в квартире, он в полной мере ознакомил маменькиного сынка Алешу с данным сленгом.

– Ты как с девушкой разговариваешь?! – зарычал Алексей и, схватив свою трость, которая стояла тут же у гардероба, одним ударом вырубил орущего гадости молодого человека. Затем гордо взял полотенце с тумбочки и молча удалился обратно в ванную.

Мотя и Эндрю, которые выбежали на крики из комнаты, стояли с открытыми ртами. С обожанием глядя в дверь закрывающейся ванной комнаты, Матильда сказала:

– Вот видишь, Зинаида, а тебе мой костюм не понравился, из-за тебя мужики подрались, нет, зря я поменяться согласилась, надо было мне горничной оставаться.

Глава 6. Самолет или жизнь

Зинка спала очень глубоко, так, когда непонятно – сон это или явь. Ей снился итальянский Сан-Ремо, любимый курортный городок деда. Раз в год они обязательно отправлялись туда. Если это было лето, то нежились на шезлонгах синьора Рикардо, чья семья уже сто лет держала в пользовании кусочек пляжа. Там все были друг с другом знакомы, знали, какой кофе предпочитает синьор Савелий и его дочка – Зинку все воспринимали как дочь этого приятного русского мужчины. Но не всегда удавалось посетить этот душевный городок в сезон теплого моря, и тогда они просто прогуливались по променаду. Там до сих пор стояли пальмы, подаренные городу царицей Марией Александровной, супругой нашего царя, в качестве своего благоволения – за это она была удостоена небольшого памятника на набережной в тени своего подарка.

– Мы, друг мой Зинка, ничем не хуже царской семьи, – говорил дед, как всегда улыбаясь одними глазами.

По пути они обязательно заходили в православную церковь Христа Спасителя, ставя свечки своим небесным покровителям, и отправлялись в главное место развлечений, старое казино Сан-Ремо. Там, получая порцию адреналина, они с легкостью проигрывали несколько сотен евро.

– Ты не считай деньги, – смеялся дед, видя, как Зинка расстраивается проигрышам, – просто получай удовольствие от игры, в этом весь смысл казино. Сюда необходимо приходить, имея в кармане несколько лишних купюр, именно лишних. Нормальные люди приходят сюда для развлечения, а не для заработка. Кто же приходит сюда выигрывать, обязательно все оставит в кассе, те же, кто приходит получать удовольствие от азарта, без вариантов останутся в плюсе.

И вот сейчас ей снилось казино, большой стол с зеленым сукном, разноцветные фишки и дед, по обыкновению сидевший напротив. Зинка с замиранием сердца смотрела на шарик, летевший по кругу над цифрами, – ей так нужно было двадцать четыре, число, на которое она поставила все оставшиеся у нее на сегодня евро, что она до боли стиснула пальцами краешек стола.

– Сколько раз тебя учить, – назидательно сказал дед, сдвинув брови, – не тянись за выигрышем, получай удовольствие от игры. Слышишь, Зин, – глядя ей в глаза, сказал дед, – помни, твое расследование – это тоже игра.

В ту же секунду поняв, что она спит, а дед, который чересчур внимательно сейчас смотрел на нее, умер, Зинка в страхе проснулась. Но она не спешила открывать глаза, двигатели самолета мирно гудели, а рядом она услышала возмущенные голоса своих коллег и решила еще немного побыть спящей.

Со вчерашнего вечера ее настораживал выбор деда, она ни на миг не сомневалась в его компетенции, да честно сказать, сразу поверила в то, что он придумал какую-то особенную систему, но то, что эта чудесная система именно сейчас дала сбой, она тоже не сомневалась. Компания подобралась странная и уж точно ни на что не годная: что эти личности не способны на совместные действия, а тем более на серьезное расследование, в этом Зинка была уверена на все сто процентов.

– Все-таки, Лешик, ты гадкий тип, – вздохнула рядом Мотя, будто это была ее личная проблема, – вот что тебе мальчик сделал? Подумаешь, голос повысил, так он это сделал на свою девушку, имел право, возможно, она даже была рада этому, а ты сразу за трость хватаешься. У нас на районе тебя бы спросили: «Оно тебе надо?» Запомни главное правило района: не лезь не в свое дело.

– Сколько у вас на районе главных правил? Я сегодня только за утро услышал три, – видно было, что Алексей еле сдерживает раздражение.

– А у нас, эт самое, все правила главные, потому что есть самое главное: хочешь выжить, учи главные правила, – сказала Мотя и громко засмеялась.

Зинка вспомнила события вчерашнего вечера и чуть не застонала от злости. Шурик, на мгновение потеряв сознание от удара тростью, почти сразу же очнулся. Оттолкнув от себя Зинку, он выбежал на площадку в одном ботинке и уже оттуда продолжил кричать гадости. Сначала она рванула за ним, пытаясь оправдаться, но вовремя вспомнила, что на ней надет костюм из магазина для взрослых, вернулась. Пока она переодевалась, Шурик исчез в неизвестном направлении, так и не забрав второй ботинок. Мужчина ее мечты на звонки не отвечал, и оправдательный разговор у них так и не состоялся. Горе-соратники просили прощения и жалели ее, но в душе миллион злых кошек скребли ее влюбленную душу и при этом шипели ей, что это конец, Шурик ее никогда не простит. Даже сейчас, вспоминая прошедшие события, она чувствовала, что ком встал в горле и не давал дышать.

Летели они бизнес-классом, и, кроме их странной компании, больше в этом салоне никого не было, видимо, мало желающих покупать билеты за сто тысяч в одну сторону. Хотя за это спасибо, подумала Зинка, пытаясь проглотить обиду.

– Ты, Лешик, ничего не понимаешь в женщинах, – продолжала разглагольствовать Матильда.

– Я прошу называть меня Алексей.

– Не, так не пойдет, мы супружеская пара, ну не может жена называть мужа Алексеем, скажи еще – Алексеем, как там тебя по отчеству?

– Владимирович.

– Ага, скажи еще, Владимировичем, мы таким макарон засыплемся сразу, так что привыкай, считай, я тренируюсь, – Мотя была довольна своей ролью и явно сейчас ею наслаждалась. – Так вот, Лешик, мы, женщины, странные существа и ведем себя не совсем логично, когда влюблены. Вспомни сказку «Русалочка», – Алексей молчал, демонстративно не поддерживая дурацкий, по его мнению, разговор, – ты, надеюсь, смотрел этот мультфильм? – с нажимом спросила Мотя. Она, любительница принцесс, диснеевских красивых мультиков с музыкой и сказочными картинками, не могла себе представить, что может быть по-другому.

– Я читал книгу, – сухо ответил тот, только чтобы Мотя отстала.

– Ну, это, конечно, не совсем то, – разочарованно сказала Матильда, – да ничего, пойдет. Вот Русалочка ради любви пожертвовала всем, бросила дом и родных, царство морское в конце концов, терпела боль в ногах и нелюбовь принца, мечтая, что он все-таки ее полюбит, а в конечном итоге что? Пена морская. Вот она, настоящая мужская благодарность. Но, спроси сейчас эту пену, и я думаю, она бы ответила тебе, что, если можно было бы все вернуть, она поступила бы точно так же.

– Это все неправда, – не выдержала Зина.

– О, шеф проснулся, – улыбнулась Мотя. – А что неправда, что ты не хотела, чтобы на тебя матерились?

– Нет, то есть и это тоже, но я про первое, – запуталась Зинка. – Значит, так, мою личную жизнь больше не обсуждаем, а про сказку – неправда.

– Да как же неправда, – обиделась Мотя, – я этот мультик сто раз смотрела. Я по ролям его читать могу.

– В варианте Андерсена русалка узнает от бабушки, чем ундины отличаются от людей. И тут выясняется, что у русалок нет бессмертной души – они после смерти превращаются в морскую пену. Только люди имеют бессмертную душу и не умирают. Чтобы ее получить, нужна любовь человека. Русалочка пытается найти такую любовь, но у нее ничего не получается, – было видно, что Зинка сейчас села на своего конька, – в конце сказки русалка все-таки не уми-

рает, а присоединяется к неким дочерям воздуха. Воздушные девы выполняют разные маленькие, но ответственные поручения, например охлаждают воздух в жарких странах и предотвращают распространение заразы, – за это им со временем подарят бессмертную душу. Поэтому история – не про юношескую любовь, а про поиски бессмертия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.